

ПРОЛОГ

Мое имя — Эйрик Магнуссон. Я старший сын законника Магнуса Эйрикссона и его жены Гудрун Йоунсдоттир. Моего прадеда Йоуна Арасона, последнего католического епископа Исландии, казнили вместе с двумя его сыновьями. Палач опускал топор на его шею семь раз — на камнях Скаульхольта до сих пор чернеет кровь моих предков.

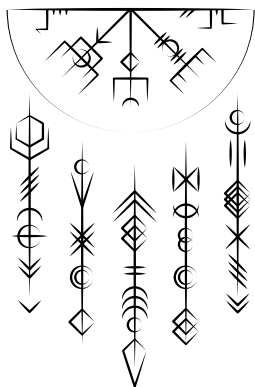
Я был вторым ребенком у моей матери и первым, кто остался при ней. Мою старшую сестру Агнес похитили турецкие пираты за десять лет до моего рождения. До самой своей смерти мать ждала, что к берегу причалит корабль, который вернет ей Агнес. Когда на свет появился я, матушка верила, что теперь нашей семье улыбнется удача, потому что в тот же год в родные земли вернулась выкупленная из рабства Гудда-Турчанка — спустя десять лет заточения.

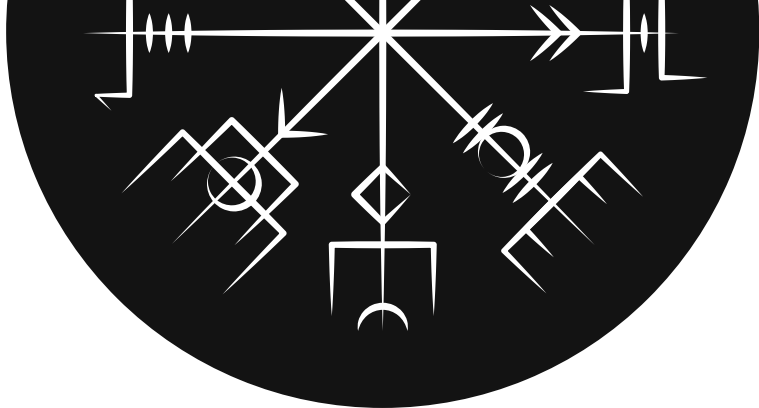
Матушка со мной не нежничала. Когда я был маленьким, в часы вечерних бдений* у очага, вычесывая шерсть, она рассказывала мне страшные сказки. С младых ногтей я впитывал истории о детях, которых утаскивали под землю

* В исландском языке существует специальное слово для вечернего времени, когда полагалось рассказывать сказки или истории — kvöldvaka. Во время kvöldvaka часто чесали овечью шерсть, поэтому и продолжительность kvöldvaka измерялась «овчинами». В начале осени, когда дни еще длинные, kvöldvaka длилась «одну овчину», по мере того как дни становились короче, количество овчин росло, в самые темные сезоны доходя до трех овчин. (Здесь и далее — прим. автора.)

голодные драуги, об утонувших, проклятых, разбившихся насмерть или разорванных троллями малышах... Они всегда погибали или исчезали бесследно, как моя сестра. Мне же хотелось послушать историю, в которой ребенок бы вырос, отправившись на поиски приключений и — в виде исключения — выжил. Но матушка верила, что так она ограждает меня от опасности: ведь если меня хорошенько напугать, я не стану совать нос куда не следует. Или же она готовила себя к тому, что однажды я тоже пропаду. Мать любила меня и боялась этой любви, которая сожрала бы ее до косточки, случись со мной что-то ужасное.

Когда родился мой младший брат, Паудль, родители вздохнули с облегчением. Паудль рос сообразительным и разумным, любил читать, аккуратно носил одежду и никогда не убегал к реке, где мог бы утонуть. Он хотел стать законником, как наш отец — человек тихий и суеверный. Все думали, что я унаследую от него тягу к текстам и чувство справедливости. Что ж, можно сказать, так оно и случилось, хотя совсем иначе, нежели все предполагали...

ГЛАВА 1. 1653 ГОД

СКАУЛЬХОЛЬТ

Магнус сильно мерз зимой, а потому спал посередине между Эйриком и Боуги. Вообще-то на школьной кровати полагалось лежать по двое, но друзья всегда устраивались втроем, как повелось с самого первого их года в Скаульхольте. Прoshлый сосед Магнуса так пинался и сопел, словно делал это нарочно, лишь бы получить лежанку в свое полное владение.

Их кровать стояла в самом углу дормитория, под окном, затянутым овечьей кожей. Свет сквозь него проникал только в полнолуние, а в остальное время спальню тускло освещали лампы и тлеющий в печи торф. В ясные же лунные ночи или тогда, когда небо Скаульхолта подсвечивалось северным сиянием, мальчишки могли видеть лица друг друга во сне: обкусанные губы, взлохмаченные, припорошенные пылью волосы и обветренные щеки.

Боуги, самый коренастый и плотный из всей троицы, обычно ложился у стены. Он любил шутить, что Магнусу, тощему и высокому, тоже не помешало бы поднакопить жирку, чтобы лучше согреться. А вот Эйрик всегда спал на краю. Хоть временами он и расплачивался за это падением

на земляной пол, все же никогда не соглашался поменяться местами с Магнусом и Боуги. Да и приземлялся Эйрик на четыре лапы, как кошка, а спал чутко, словно лесная мышь. А еще он не ощущал холода — до самых крепких заморозков ходил в одной рубашке, словно под кожей у него тлели угли.

В тот день на ужин давали сушеную треску и сильно разбавленное пиво. От скудной кормежки голод никуда не девался, оттого и сон не шел. Мальчишки привычно устроились на кровати и тихо переговаривались, тесно сдвинув лица. Вот только обсуждали они вовсе не сегодняшнюю проповедь. В такие вечера не привлекали их ни латынь, ни греческий, ни какие-либо другие знания, которыми так тщательно учителя набивали им головы. Совсем иные истории будоражили юные умы... Вот лишь несколько минут назад они отчетливо различили шаги по стылой земле прямо за дверью. Невидимый гость обошел их дом, ступая так грузно, что друзья затаили дыхание. Стоило шагам стихнуть, как они бросились спорить, кто мог бродить за стенами дормитория.

Боуги, который из всей троицы прочнее всех стоял на земле, заверял друзей, что никакого колдовства тут нет. Должно быть, кто-то из учителей решил проветриться после того, как за ужином налегал на пиво, или, может, служанка вышла вылить помой с кухни.

— Если служанка или учитель, чего же ты нос в одеяло спрятал? — прошипел Магнус.

Сам Магнус был уверен, что под окном прошел не кто иной, как Йоун Арасон, последний католический епископ, казненный сотню лет назад именно здесь, в Скаульхольте. Никто бы не удивился, если бы Йоун Арасон вернулся с того света. Наверняка он не может расстаться со своей церковью и теперь бродит вокруг и ждет, когда исландцы вновь обратятся в веру предков...

Но Боуги на это только посмеивался:

— С чего бы ему здесь бродить? Всем известно, что Йоуна Арасона выкопали и увезли на самый север, в Хоулар, и кости его теперь тлеют там. Крепкие же у него ноги, раз такой путь проделал! Эй, Эйрик, а ты что думаешь?

Эйрик молчал, вглядываясь в мутное окно. На узкой кровати места было мало, и он едва помещался на краю, но не замечал этого, глубоко погруженный в свои мысли. Боуги слегка подтолкнул его локтем:

— Что скажешь, дружище? Уж тебе-то виднее.

Действительно, случись опальному епископу вернуться из мира мертвых, к кому бы он пришел, если не к правнуку? Но вот в чем дело: Эйрик знал, что вовсе не Арасон бродит под окном. Совсем другой покойник занимал в эту ночь его разум.

Несколько дней назад у пастора, что вел хозяйство на усадьбе при церкви, Эйрик подслушал одну любопытнейшую историю и с тех пор потерял покой. Речь в ней шла о колдуне, которого погребли вместе с его гримуаром. История эта так потрясла парня, что несколько раз мертвец из рассказа пастора даже являлся к нему во сне и пытался прочесть свои римы, но выходили они дурные и сразу вылетали из головы, стоило Эйрику проснуться. Теперь стало ясно, что это не мертвец хочет ему что-то сказать — да и с чего бы, они даже не были знакомы! — а сам Эйрик тянется к тому ценному, что покойник унес с собой в могилу и с чем, по слухам, не расставался ни днем ни ночью. То, ради чего Эйрик охотно рискнул бы своей шкурой. Это желание жгло его кожу, будоражило по ночам, не давало сосредоточиться на занятиях... Он размышлял, стоит ли посвящать друзей в свою затею, и наконец решил, что умолчать будет нечестно.

Перевернувшись на правый бок и подперев голову рукой, он уставился на Магнуса с Боуги. Вид он при этом принял довольный и загадочный.

— Много лет назад на местном кладбище похоронили одного старика из Бискупстунги...

Лица Магнуса и Боуги поскучнели. Кому интересно слушать про какого-то старика, когда тут целый католический епископ, да к тому же обезглавленный? Но Эйрика это не смутило.

— Слухи о старике ходили самые разные. Жил он один, не имел ни жены, ни детей. Говорят, за всю жизнь было у него только две ценности: корова... и книга.

Перед «и книга» Эйрик сделал такую таинственную паузу, какую только сумел. Кажется, это сработало, потому что Боуги и Магнус перестали закатывать глаза и стали слушать внимательнее.

— Когда старик заболел, он пожелал быть похороненным в церковном дворе Скаульхольта. Взамен пообещал местному священнику землю и хутор, но поставил еще одно условие: что в могилу он унесет с собой книгу. Ну, и корову.

Мальчишки прыснули в одеяло, зажав себе рты ладонями, чтобы не разбудить других школяров. Эйрик со снисходительной улыбкой дождался, пока веселье стихнет. Сам он тоже от души посмеялся, когда слушал историю впервые, но сейчас всем видом показывал, что главная в ней все-таки не корова.

— Большой, должно быть, гроб пришлось сколотить, — заметил Боуги.

— Думаю, корову положили рядом, — возразил Магнус. — Так что там за книга?

Эйрик еще раз улыбнулся, на этот раз хищно и резко.

— А ты как думаешь? — ответил он и сам вдруг испугался своего голоса — низкого, незнакомого, голодного.

Друзья лежали, умолкнув, обдумывая каждый свое. Какому мальчишке в пятнадцать лет не хочется обрести настоящую силу? Ту самую, которую не получить и с сотней молитв, которая не придет ни с греческим, ни с латынью... Хотя все они готовились однажды принять сан и стать пасторами,

бывали в их жизни искушения, с которыми сложно было бороться. С тех пор, как их языки однажды обожгли волшебные слова, избегать греха становилось все труднее.

Первым не выдержал Магнус:

— Что ты предлагаешь?

Оба догадывались, чего хотел Эйрик, но сама мысль об этом наводила трепет. Он прикрыл глаза и тихо, но отчетливо произнес:

— Хочу поднять его из могилы и забрать книгу.

Сквозняк ворвался в dormitorio сквозь щель в окне. Магнус натужно закашлялся, и Боуги заботливо подоткнул ему одеяло. Эйрик отстраненно подумал, что надо бы завтра попросить служанок принести Магнусу отвар из можжевельника, чтобы смягчить кашель.

— Чтобы кого-то поднять, нужно знать все заклинания, — заметил Боуги. — Я их, скажем, не знаю.

— Я вас научу, — решительно заявил Эйрик.

Вряд ли это их успокоило. Ошибка в единственном звуке могла стоить всем троим жизни, а ошибиться, стоя у могилы с поднявшимся покойником, ох как легко. Так стоит ли рисковать ради книги неизвестного старика?

Неожиданно на Эйрика обрушилась сонливость, да такая, словно он не спал несколько дней. Веки набрякли, голова стала склоняться к подушке. Казалось, поведав Боуги и Магнусу о своей затее, он снял с плеч невидимый груз. Они могли отказаться, могли даже пожаловаться учителям, что Эйрик замыслил большой грех. (Впрочем, нет, не могли. Эйрик хорошо знал своих друзей: даже если они струсят, мешать ему не будут.) Он улегся на подушку и натянул шерстяное одеяло до самых ушей, прислушиваясь к возне соседей.

— А кто научил тебя самого? — тихо и с легким укором спросил Магнус.

Эйрик сделал вид, что спит. Его учителя не желали быть названными.

Скаульхольт представлял собой целый мир — светливый, разноголосый и вечно куда-то спешащий. Город был огромен: тут жили сотни людей, и после него собственные хутора казались юношам крохотными и невзрачными. А в Скаульхольте домики из дерна ютились друг к другу. Одни были совсем небольшими, с единственной общей комнатой — бадстовой, а другие, покрепче и побогаче, могли похвастаться отдельной кухней и двором, обнесенным каменной оградой. Летом крыши землянок покрывались сочной зеленью, и весь город выглядел нарядно и празднично. Епископ следил, чтобы дома чинили вовремя, и потому от города так и веяло благополучием и спокойствием. Над приземистыми строениями возвышалась бревенчатая церковь с колокольней — детище епископа Бриньюльва Свейнссона, которым он гордился не меньше, чем своей коллекцией текстов «Старшей Эдды» или Codex Regius.

Знатные исландские семьи отправляли своих отпрысков на обучение в семинарию, когда тем исполнялось пятнадцать-шестнадцать зим. Там мальчики становились юношами, осваивая латынь, греческий, историю и богословие. Спустя пять лет, подросшие и возмужавшие, они возвращались в родные места. Большинство занимали должности младших пасторов, но некоторые шли по стопам отцов и становились чиновниками.

Эйрик, Боуги и Магнус начали учебу одновременно в прошлом году. Из троих Эйрик был самым младшим, ему еще и шестнадцати не было. Скаульхольт быстро стал им домом. Мальчишки любили школу, но отнюдь не за те ценные знания, что учителя вколачивали им в головы на уроках. Важнее всего друг для друга были они сами. Первая настоящая дружба — как первая любовь: если и не остается с тобой на всю жизнь, то все равно никогда не забывается.

Семинария занимала множество помещений, связанных друг с другом крытыми тоннелями. Ученики и священники могли переходить из одного в другое, не выходя на улицу. Учебные классы начинались прямо за дверью dormитория, а чтобы попасть в трапезную, требовалось пройти по длинному коридору мимо зала, где завтракала и ужинала семья епископа, и располагались кладовки с молоком, сыром и кислой сывороткой. Кормили школяров дважды в день, как дома: в полдень и после вечерней службы. Иногда по воскресеньям давали баранину, но чаще потчевали скиром, кашей, сушеной рыбой и сырными лепешками.

Именно в трапезной на следующий день после ночного разговора Эйрик начал учить друзей заговору — гальду. Пасторы ели в другом помещении, так что никто не мог их подслушать или помешать. Откинувшись на стуле и прикрыв глаза, юноша протяжно и медленно читал нужные слова. Он знал заклятия так хорошо, что, если бы его прервали, без труда смог бы начать с нужного места, сколько бы времени ни прошло.

На кладбище решено было отправляться в субботу, когда луна будет в последней четверти. Ночь все еще не заглотила абсолютная тьма, но различить три крадущиеся фигуры слабым глазам пасторов будет непросто. Эйрик настаивал, что лучше повременить с обрядом, пока Боуги и Магнус не выучат слова назубок, как катехизис перед конфирмацией. Он говорил об этом с такой не свойственной ему серьезностью, что друзьям оставалось только согласиться. Никому не хотелось, чтобы их разорвали оживший покойник или его корова.

Так, в школьной трапезной, и началось их обучение. Проходило оно между занятиями, в укромных местах, скрытых от глаз учителей и других школяров. Даже во время богослужений не гимны и не исповедь занимали головы сообщников. Эйрик настаивал, что ведовские слова должны влезть им под кожу, пропитать волосы до самых корней, искушать их

языки — так, чтобы ни одного звука не потерялось даже в минуты самого сильного страха. Трое друзей повторяли их снова и снова: и раздеваясь, и лежа на узкой кровати, слишком тесной для них, и засыпая, и просыпаясь.

Магнусу ученичество давалось проще. Руны и гальдраставы он резал аккуратнее, не упуская ни единой черточки. Память у него работала лучше, а ум был более склонен к ведовству, нежели у медлительного и основательного Боуги. Тот запоминал гальды с трудом, зато они никогда не вылетали у него из головы. Он чем-то напоминал дерево с упрямой жесткой корой: вырезать на ней что-то непросто, зато надпись не сойдет и через столетие.

Эйрик был терпеливым учителем: поправлял, напоминал, мягко возвращал друзей к их задумке, стоило им отвлечься. Условие он поставил лишь одно: Боуги и Магнус должны отдаваться обучению без остатка, как некогда он сам. Поднять покойника — не шутки. Это не приворот и не наведение морока. Если что-то пойдет не так, всем конец.

К субботе похолодало. Ночью Магнус трясся и стучал зубами. Чтобы другу было теплее, Эйрик с Боуги укрыли его вторым шерстяным одеялом и перетасили жаровню поближе к кровати. Засыпая, Магнус продолжал бормотать ведовские слова, и во сне они снова и снова воскресали у него на губах.

В октябре светает поздно. По утрам служанки приходили будить юношей, подсвечивая себе дорогу фитилями, смазанными ворванью. Эти маленькие, дрожащие на сквозняках огоньки подсказывали семинаристам, что пора собираться на утреннюю молитву. Сами служанки вставали еще раньше, так что вид сонных, лохматых парней, из последних сил цепляющихся за свои одеяла, приводил их в веселое расположение духа. Одна из девушек, смущаясь, протянула Магнусу вязаные варежки. Последние дни его душил кашель, и Эйрика это настораживало. Он беспокоился не

столько о здоровье друга — на Магнуса каждую зиму нападала такая хворь, — сколько о том, сумеет ли он не сбиться на заговоре.

Магнус принял подарок с благодарностью. Под штаны он надел теплые чулки, а на голову натянул шапку. Эйрик же красовался в плаще с металлическими пуговицами и кожаных перчатках, над чем Боуги посмеивался. Все знали, что господин епископ Бриньоульв Свейнссон такой роскоши не одобряет и выговора за щегольство не избежать. Но Эйрик учился прилежно, языки и арифметику схватывал на лету, и голос у него, когда он пел гимны, звучал, как у ангела, а потому ему многое сходило с рук.

Целый день молодые люди места себе не находили, их мучило предчувствие — сладкое и одновременно пугающее. А когда с наступлением сумерек колокол позвал их к началу вечерни, волнение стало невыносимым.

В сумерках церковь выростала на холме величественной громадой, возвышаясь над остальными постройками Скаульхольта, как тролль над людьми. Всякий раз, как Эйрик приближался к ней, он испытывал необъяснимый трепет, почти страх от того, насколько она огромна. Бриньоульв Свейнссон пестовал церковь, как родное дитя. Еще в первый свой год на посту епископа он взялся за снос старого обветшавшего здания и строительство нового. Строительство закончилось лишь четыре года назад. Внутри церкви все еще сильно пахло елью — нигде еще Эйрик не встречал таких хороших бревен, как здесь. В Исландии почти не росло лесов: на растопку пускали мох или сушеные водоросли, и большой удачей считалось найти на берегу выброшенные на берег коряги. Древесину же для строительства доставляли морем, и стоила она целое состояние. Боуги, сын бонда, унаследовавший предприимчивость отца, как-то пытался подсчитать, во сколько епископу обошлась постройка, и цифры вышли невероятно большие.